

Кристов И.Ю., аспирант кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения, Воронежский государственный университет (Россия)

ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЕ И ГЕРМАНО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ К. АДЕНАУЭРА В 1949-1955 ГГ.

В статье анализируется внешнеполитический курс канцлера Конрада Аденауэра в 1949-1955 гг. с целью определить, насколько специфика советско-германских и германо-германских отношений в эти годы отсрочила или же, напротив, приблизила успех западно-европейской интеграции ФРГ. К. Аденауэр проводил прямую связь между вхождением ФРГ в Западную Европу и преодолением оккупационного положения, лишавшего западногерманское государство реальной субъектности. В то же время, со странами социалистического лагеря канцлера связывала необходимость реагировать на развитие событий, которое так или иначе затрагивало бы общегерманские интересы. К таковым относились, например, попытки СССР и ГДР реализовать пункты Потсдамское соглашения, связанные с сохранением целостности Германии и регулировкой ее границ. Непосредственную угрозу для интеграционной политики К. Аденауэра представляли советские инициативы, направленные на нейтрализацию Германии, недопущение ремилитаризации ФРГ и принуждение западных стран к соблюдению послевоенных договоренностей по германскому вопросу. Анализ зарубежных и отечественных научных исследований, а также различных источников (письма, авторские статьи, стенограммы сессий бундестага и записи выступлений) позволяет увидеть, каким образом в данных условиях политика К. Аденауэра совмещала курс на длительное существование двух немецких государств и декларируемое стремление к объединению Германии.

Ключевые слова: Конрад Аденауэр, нейтральная Германия, ремилитаризация, Потсдамское соглашение, Европейское оборонительное сообщество, западноевропейская интеграция, НАТО, «нота Сталина», события 17 июня 1953 г.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-91-99

Введение

В 1949 г. на территории оккупационных зон в Германии создаются два государства одной нации, чем надолго закрепился германский раскол. В силу обстоятельств ФРГ и ГДР на всем протяжении этого раскола находились по разные стороны блокового конфликта, известного как «холодная война», и при выстраивании внешней политики исходили как из своих интересов, так и из интересов бывших оккупационных держав – США и СССР соответственно. ФРГ, в отличие от ГДР, не являлась объектом детерминирующего влияния со стороны СССР, а многие ее специфические черты были следствием западного подхода к политике по денацификации, демилитаризации и демократизации. Запрет на деятельность политических партий в ней был снят несколько раньше, чем на территории будущей ГДР, а политическая система отдавала дань веймарскому прошлому, развиваясь по пути «канцлерской демократии». Суверенитет ФРГ был ограничен принятым в мае 1949 г. Основным законом и Оккупационным статутом. Прежде всего эти ограничения касались внешней политики ФРГ, что напрямую оговаривалось еще тогда, когда западногерманское государство было лишь проектом в умах её архитекторов [2].

Политика, которую ФРГ проводила под руководством канцлера К. Аденауэра, была направлена на получение от западных стран регалей, которые означали бы признание ими равноправных партнерских отношений с Западной Германией [8, с. 205-206]. Исходя, в первую очередь, из

предположения, что из-за советской политики раскол Германии продлится еще очень долго, он отстаивал идею вхождения Западной Германии в союз европейских стран [10, с. 155]. Сосредоточенность на вопросе об интеграции в Западную Европу отбрасывала другой вопрос – об отношениях с Советским Союзом и странами социалистического лагеря – на периферию внешней политики ФРГ [12, с. 36-37]. Относительно Германской Демократической Республики канцлер прямо заявлял, что ее государственный строй не может считаться «основанным на добровольном волеизъявлении населения», и таким образом отказывал ей в субъектности. Это, однако, не освобождало правительство ФРГ от необходимости считаться с тем развитием событий на Востоке, которое затрагивало общегерманские интересы.

В 1990-е - начале 2000-х гг. западноевропейская интеграция Германии стала предметом обширного исследования немецкого историка А. Винклера, но в качестве долгого процесса, растянувшегося более чем на одно столетие, и говорить о детальном рассмотрении «восточной политики К. Аденауэра не приходится [26]. Там, где она рассматривается, речь чаще всего идет о принятии «доктрины Хальштейна» и ее дальнейшем провале, т.е. о событиях 1955-1970 гг. Повышенный интерес к советско-германским отношениям и восточной политике ФРГ свойственен отечественным авторам. Для исследований отечественных авторов свойственен повышенный интерес к советско-германским отношениям и восточной политике ФРГ [3;4;5;8;12]. Акцент, опять же,

делается на периоде, последовавшем за представлением ФРГ формальной независимости [12]. Отчасти история взаимоотношений первого канцлера со странами социалистического блока в 1950-х гг. стала объектом исследования немецкого историка А. Фрона, но касается это исследование прежде всего вопроса о восточных границах Германии [18].

Объект и методы исследования

Акцентируя, таким образом, внимание на внешнеполитическом курсе К. Аденауэра как на объекте нашего исследования, мы углубляемся в те его аспекты, которые касались отношений с СССР и бывшими в его сфере «народными демократиями». Поскольку еще до принятия «доктрины Хальштейна» официальный Бонн отказывал в субъектности практически всем социалистическим странам кроме СССР, содержание восточной политики ФРГ зачастую ограничивалось реакцией на развитие событий в ГДР и соответствующие действия со стороны СССР. Понять, каким образом советско-германские и германо-германские отношения 1949-1955 гг., даже в таком ограниченном виде, влияли на политику ФРГ, позволяет анализ источников, дающих представление о мотивах и принципах внешнеполитического курса К. Аденауэра. К таковым могут быть отнесены личные документы и письма, авторские статьи, стенограммы сессий бундестага в период 1949-1955 гг. и записи выступлений канцлера.

Результаты и их обсуждение

Когда 6 июня 1950 г. между Польшей и ГДР был подписан Згожелецкий договор о демаркации существующей польско-германской границы, руководство ФРГ было вынуждено отреагировать на тот факт, что Г. Дертингер и О. Гротеволь выступили от имени всего немецкого народа. С самого начала позиция правительства ФРГ относительно польско-германской границы была враждебной. Ни одно из существовавших на тот момент германских правительств, по мнению официального Бонна, не было правомочно решать вопрос о принадлежности земель, лежащих к востоку от линии Одер-Нейсе (возможность создания польско-немецкого кондоминиума подавалась как более уместная). В то же время, боннское правительство выражало готовность дать гарантии того, что не будет стремиться к силовому изменению установленного Згожелецким договором статуса-кво. [1, с. 164]

Поскольку пересмотр польско-германской границы был одним из пунктов Потсдамского соглашения, а ФРГ не рассматривалась Советским Союзом как самостоятельный субъект, реакция Бонна на подписание Згожелецкого договора позволяла и дальше обвинять западные державы в систематическом нарушении послевоенных договоренностей. Налаживание диалога между ФРГ и

Польской народной республикой на данном этапе также едва представлялось возможным потому, что, с одной стороны, К. Аденауэр рассматривал Польшу в качестве одного из советских сателлитов, а с другой – руководство Польши с 1949 г. высказывало официальный протест против образования ФРГ, называя его нарушением Потсдамских соглашений. [Там же, с. 165-166]

Летом 1950 г. вопрос о польско-германской границе был оттенён вопросом о ремилитаризации Западной Германии. Ясность в него помогло внести начало Корейской войны, так что в Бонне и Париже начались переговоры о возможном военном вкладе ФРГ. Она же обострила многие аспекты отношений между западными державами и странами «народной демократии», и риторическое противостояние ФРГ и ГДР не стало исключением. В этом плане показательным выступление Вальтера Ульбрихта по радио 3 августа 1950 г., в котором он называл марионеточными режимы в Южной Корее и Бонне и предсказывал их скорый крах по «воле народа» [26, pp. 269-270].

Реакция со стороны Востока последовала осенью 1950 г., и первым лозунгом развернувшейся кампании стал «Немцы за один стол!» (Deutsche an einen Tisch!). В ноябре премьер-министр ГДР Отто Гротеволь направил К. Аденауэру письмо, где предлагал создать «Общегерманский совет» (Gesamtdeutscher Rat) с равным представительством с восточной и западной стороны. Речь шла о начале подготовки к всеобщим свободным выборам. Выступая на пресс-конференции 15 января 1951 г., К. Аденауэр отклонил предложение О. Гротеволья. Бундестаг оправдал отказ тем, что в ГДР нет свободы слова как таковой, а следовательно, не может идти речь о свободных выборах. Условие для одобрения восточногерманского плана было названо бундестагом 27 сентября 1950 г.: в качестве наблюдателя на всеобщих выборах должна выступать Организация Объединенных Наций. Сам К. Аденауэр требовал проведения свободных выборов в качестве первого шага на пути к объединению, но при этом отрицал, что таковые могут состояться на территории ГДР без участия ООН. [Ibid, pp. 274-275]

20-21 октября 1950 г. в Праге состоялось совещание министров иностранных дел Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии и Чехословакии. В выработанной на совещании декларации осуждалось принятое в сентябре 1950 г. на трехсторонней конференции западных держав в Нью-Йорке решение о возможном участии ФРГ в объединенных вооруженных силах [11, с. 263-264]. Канцлер в ответ на Пражскую декларацию предпочел настаивать на том, что ремилитаризация происходит только в «советской зоне», добавив, что предложенный О. Гротеволем Общегерманский

совет реализуем только в условиях свободных выборов, а ГДР после «фальшивых выборов 15 октября» таких условий предложить не может [17].

18 сентября 1951 г. на конференции министров иностранных дел США, Великобритании и Франции в Вашингтоне был принят план создания Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) с участием контингентов из ФРГ. На данном этапе была обсуждена возможность замены Оккупационного статута неким «Общим договором», который регулировал бы отношения ФРГ и западных держав на новом уровне. Как следствие, Советскому Союзу пришлось умножить усилия по недопущению ремилитаризации и навязыванию западным государствам диалога по вопросу заключения мирного договора. [11, с. 68]

Продолжение ремилитаризационной кампании с Востока последовало 10 марта 1952 г. Советское правительство направило США, Великобритании и Франции меморандум с предложением в ближайшее время подписать мирный договор с Германией. Подразумевалось, что объединенной Германии должны быть обеспечены демократические права и свободы, включая свободу деятельности всех партий и организаций, за исключением тех, что «противятся демократии и делу мира», а также возможность создания собственной национальной армии, но при условии соблюдения нейтралитета и неучастия в военно-политических блоках. Границы объединенной Германии предлагалось провести в соответствии с решениями Потсдамской конференции, что могло означать безоговорочное сохранение за Польшей западной границы по Одер-Нейсе [6]. Проект мирного договора также прилагался к т.н. «ноте Сталина». Позднее, в результате обмена нотами, план был дополнен пунктом об организации всенародных «свободных выборов». Сомнительность советских предложений в глазах западных партнеров, как и риски, связанные с их необдуманным и резким отклонением, привели к обмену нотами между советской и американской стороной, который продлился до конца сентября 1952 г.

Кроме намерений И. В. Сталина, одним из наиболее дискуссионных моментов стала роль, которую сыграл К. Аденауэр. А. Винклер отмечает, что канцлер приложил усилия к тому, чтобы западные державы не вступали в переговоры с Советским Союзом. В «мартовской ноте» К. Аденауэр усматривал помеху для его планов по западноевропейской интеграции ФРГ. [26, pp. 277-278] С одной стороны, сомнительно, чтобы начало переговоров по очередной советской инициативе привело к срыву этих планов, но с другой – последовавшее за этим промедление могло дать Москве время для принятия более решительных мер. Кроме того, меморандум И.В. Сталина мог внести

противоречия между ФРГ и западными странами, ведь, в конце концов, его содержание было известно западногерманским гражданам, и они могли по-своему трактовать нежелание канцлера идти предложенным путем. В письме профессору Тиллмансу от 7 апреля 1952 г. канцлер напрямую характеризовал свое видение: «О новой германской политике, предложенной русскими, не может идти и речи. Русские уже два года проводят политику по нейтрализации Германии, оказывая влияние на французских политиков. Теперь они видят, что не могут идти дальше по этому пути, и пробуют путь мирных переговоров, который сами же и предложили» [20, s. 132-134].

Трудно представить ситуацию, в которой советское руководство не было заинтересовано в нейтральном и невраждебном к СССР германском государстве. В тоже время, нельзя не учитывать возможных последствий для ФРГ, которые могли приниматься во внимание не только в Бонне, но также в Москве и в Вашингтоне. Четыре таких выделяет А. Винклер. Во-первых, переговоры по созданию интеграционных западноевропейских вооруженных сил могли прийти к застою, а затем и полностью провалиться. Во-вторых, провал интеграции с наибольшей вероятностью означал бы политический крах К. Аденауэра. В-третьих, падение К. Аденауэра и приход к власти более националистически настроенных сил должны были усложнить Соединенным Штатам задачу по выстраиванию отношений с ФРГ. В-четвертых, если бы немцы повернулись спиной к западным военным проектам, позиция США в Западной Европе оказалась бы под угрозой. [26, pp. 276-277] Таким образом, существовал целый ряд факторов, делавших переговоры с Советским Союзом о перевооружении не только бессмысленными, но и потенциально опасными в глазах немецких и американских партнеров.

Вышеназванные факторы могли приниматься во внимание и представителями восточногерманского руководства, когда те подогревали общественный интерес к советскому предложению. 14 марта 1952 г. О. Гротеволь заявил, что с публикацией советской ноты «борьба за возвращение Германии единства переходит в новую, решающую фазу» [18]. «Решающая фаза», однако, была объявлена тогда, когда вовлеченность Германии в блоковое противостояние становилось все очевиднее. 26 мая 1952 г. К. Аденауэр, Д. Ачесон, Э. Иден и Р. Шуман подписали в Бонне Договор об отношениях между Федеративной Республикой Германией и тремя державами. Договор подразумевал, что Оккупационный статут будет упразднен, тогда как ФРГ получит всю полноту власти во внутренней и внешней политике. Общий договор признавал единоличное право ФРГ

на представительство всех немцев за рубежом, в очередной раз ставя под сомнение легитимность ГДР и существование польско-германской границы [25]. На следующий день представители Франции, Италии, ФРГ и Бенилюкса встретились в Париже для подписания договора о создании Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), ратификация которого означала бы ремилитаризацию Западной Германии. Все это также означало, что советская инициатива, какую бы цель она не преследовала, провалилась, так что предложение западных держав о созыве четырехсторонней конференции для обсуждения свободных выборов было оставлено без ответа. Впрочем, победителем в этом дипломатическом противостоянии можно считать не только К. Аденауэра, но В. Ульбрихта. Если первый смог начать формирование независимого западногерманского государства через европейскую интеграцию, то второй избежал последствий, которые для его режима могли иметь свободные выборы [3, с. 79].

Новый шаг Запада к ЕОС вызвал сильнейший протест не только со стороны западноевропейской и советской общественности, но и среди немцев. Канцлер продолжал придерживаться мнения, что участие западногерманских контингентов в наднациональных вооруженных силах – не такая уж и угроза в сравнении с наращиванием военного потенциала со стороны СССР. Аргументом, направленным непосредственно на сограждан, было проведение связи между созданием собственных вооруженных сил (пусть и интегрированных на наднациональном уровне) и обретением полного суверенитета. Учитывая, что предложение СССР о независимости через нейтралитет оставалось актуальным, убедительность этого аргумента зависела от того, насколько немцы были готовы поверить, что нейтральная Германия со временем окажется в советской сфере влияния со всеми вытекающими последствиями для привычным демократических институтов и капиталистического уклада.

Собственно, подготовку коллективного мнения мы можем видеть, например, в обращении канцлера к Евангелической рабочей группе ХДС в Зигене 16 марта 1952 г.: «Для Германии есть три варианта: присоединение к Западу, присоединение к Востоку и нейтрализация. Для нас, однако, нейтрализация означает провозглашение Ничейной земли (Niemansland). После этого мы были бы объектом и больше никогда – субъектом. О союзе с Востоком, однако, тоже не может быть речи из-за кардинального различия мировоззрений. Союз с Западом не означает ... какого-либо давления на Восток, а означает не что иное, как подготовку к дружественной реорганизации с Советским Союзом, воссоединению Германии и

новому порядку в Восточной Европе» [22, S. 79-82]. А аденауэровское видение планов Москвы было озвучено в интервью от 27 апреля 1952 г.: «По крайней мере, содержание ноты ни коим образом меня не удивляет... На протяжении долгого времени моя политика проистекает из предположения, что целью Советской России является уничтожение интеграции между странами Западной Европы путем нейтрализации Германии и, таким образом, вытеснение США из Европы и установление контроля сначала над Федеративной Республикой, а затем – над Европой» [26, pp. 277-278]. И, наконец, выступая 9 июля 1952 г. на 221-й сессии бундестага по поводу Договора о создании ЕОС: «Единая Германия, как того до сих пор требовала Советская Россия, т.е. нейтрализованная Германия, построенная на основе Потсдамского соглашения, для нас невозможна. С помощью трех западных союзников нам придется попытаться отговорить Советскую Россию от этого требования путем переговоров» [22, S. 131-160].

С 5 апреля по 8 августа 1952 г. ФРГ принимает участие в конференции по внешним долгам Германии. По итогам конференции ФРГ, которая в стремлении к единоличному представительству немецкой нации взяла на себя ответственность за долги Германской империи, Веймарской республики и Третьего Рейха, должна была разрешиться от потенциально невыполнимых долговых обязательств. В результате было выработано, а 27 февраля 1953 г. принято соглашение, которое в два раза сокращало до- и послевоенные долги, облегчало выплату оставшейся суммы путем наложения ограничений на процентные ставки и объем выплат относительно годовой экспортной прибыли, а также вводило льготные условия в период 1953-1957 гг. Лондонское соглашение позволило ФРГ рассчитаться с большей частью внешних долгов уже в 70-е гг., а кроме того, стимулировало ее внешнюю торговлю. Это стало одним из факторов экономического подъема ФРГ в 1953-1955 гг., который шел в копилку успехов К. Аденауэра, а следовательно – повышал уровень доверия нации к внешней политике канцлера.

Следует, на наш взгляд иметь в виду фактор экономического подъема в Западной Германии, вспоминая, что 19 мая 1953 г. бундестаг одобрил вступление ФРГ в ЕОС. И все же, были причины, по которым судьба западноевропейских вооруженных сил в 1953 г. оставалась неясной. Одна из них – смерть И.В. Сталина 5 марта 1953 г. Как только на должность министра иностранных дел вернулся В.М. Молотов, в советском руководстве началось активное переосмысление германской политики. Предложение о создании Временного общегерманского правительства для участия в четырехсторонних переговорах по мирному

договору с Германией смогло всколыхнуть даже ряды правящей коалиции в ФРГ, а среди крупных политических деятелей, не оставивших без внимания «послание» с «Востока», был британский премьер У. Черчилль [13, с. 78-79]. Сам К. Аденауэр заметил, что советское предложение обострило противоречия между США, с начала советского «мирного наступления» опасавшихся за свое положение в Европе, и Великобританией. Наконец, среди возможностей, открываемых с изменениями в советском руководстве, было и потепление в отношениях между СССР и Западом, а это, в свою очередь, ставило под сомнение необходимость интеграционных военных проектов при участии ФРГ.

Обратный эффект для политики К. Аденауэра имели события, связанные с противоречивыми тенденциями в развитии командно-административной системы ГДР. После принятия курса на ускоренное построение социализма говорить об успехах ГДР в экономике не приходилось. Падение уровня жизни восточных немцев, вызванное активной коллективизацией и национализацией, дало о себе знать в виде участвовавших побегов немцев из Восточной Германии в Западную. При этом, не смотря на сопутствующие издержки, руководство ФРГ не могло не оценить тот факт, что среди беженцев числились и представители интеллигенции, государственного аппарата, правоохранительных органов и СЕПП. Но еще большую важность представлял собой исход кризиса июня 1953 г. События в ГДР не только привели к блокировке всех ранее выдвинутых советских инициатив, но и открыли новые возможности для расшатывания позиций СССР со стороны западных держав [9, с. 166; 13, с. 93]. Совет национальной безопасности США предпринял усилия к тому, чтобы поддержать протестный потенциал в Восточной Германии [7, с. 55; 13, с. 93]. К. Аденауэр на панихиде перед Шенебергской ратушей называл восточных немцев «народом за железным занавесом» [16]. Выступая 1 июля перед бундестагом, он еще раз напоминал собравшимся, что «объединение [Германии] и европейское сосуществование являются необходимыми элементами одной и той же политики» [24, s. 13870-13873].

10-14 июля 1953 г. на конференции в Вашингтоне министры иностранных дел США, Великобритании и Франции согласовали текст ноты, в которой Советскому Союзу предлагалось принять участие в конференции министров иностранных дел в конце сентября для обсуждения вопроса об организации свободных выборов в Германии и создания комиссии по проверке наличия в ГДР и ФРГ необходимых для этого условий. Существует мнение, согласно которому этот срок будущей конференции был определен самим

канцлером: К. Аденауэр рассчитывал на победу своей партии на выборах в бундестаг в сентябре 1953 г., и выдвижение новых советских инициатив могло этому помешать. [5, с. 90-91]

6 сентября 1953 г. доверие нации к канцлеру и христианской коалиции было подтверждено итогом выборов в бундестаг. «Европейское оборонительное сообщество, - говорилось в заявлении правительства после выборов, - занимает ключевую позицию среди усилий по европейской интеграции», и в том, что ФРГ продолжит этот курс, сомневаться не приходилось [23]. Полученного коалицией количества мест в бундестаге было достаточно, чтобы запланированные изменения в конституцию, в том числе необходимые для создания западногерманской армии, не были отклонены парламентской оппозицией.

Требуемые изменения в Основном законе были достигнуты 26 февраля 1954 г., когда Конституционный суд принял «первую военную поправку». Но для окончательного решения вопроса о ремилитаризации было необходимо, чтобы со своей позицией определилась Франция. В августе 1954 г. парламент Франции отказался ратифицировать договор о создании ЕОС. Причиной тому явно была война в Индокитае, но с таким же успехом это могло быть нежелание французского истеблишмента поступаться национальными интересами ради сомнительных для него наднациональных проектов. Тем более, если эти проекты вели к усилению ФРГ на международной арене. Так или иначе, в условиях, когда ФРГ не могла добиться суверенитета через ЕОС, альтернативой для «заполнения вакуума» оставалось вступление в Североатлантический альянс [14, s. 179]. Позднее канцлер будет утверждать, что провал ЕОС убедил мировой коммунизм в победе в «холодной войне», и вхождение ФРГ в НАТО, следовательно, помогло бы «восстановить уверенность свободных народов в себе» [Ibid].

Тем временем, обмен нотами между СССР и западными державами принес некоторые плоды. В период с 25 января по 18 февраля 1954 г. по инициативе СССР прошло Берлинское совещание министров иностранных дел, на котором советская сторона в очередной раз заявила о необходимости обеспечить единство Германии на условиях неучастия в военных блоках и союзах. С этой целью было предложено вывести с территории Германии оккупационные войска, создать временное общегерманское правительство и возложить на него проведение свободных выборов. Все эти предложения были отвергнуты, как и предложение о созыве всемирной конференции по всеобщему сокращению вооружений. К. Аденауэр в ходе совещания стремился выдвинуть на обсуждение лишь эпизодические вопросы,

касающиеся возможного референдума в Германии по вопросу объединения, тогда как советская сторона настаивала на более широком спектре вопросов, включающем в себя подписание мирного договора с Германией [4, с. 7]

В конце сентября 1954 г. в Лондоне были обсуждены общие черты новой системы безопасности, в которую войдут ФРГ и Италия. Легитимную форму должно было принять то, что У. Черчилль в личном послании К. Аденауэру называл «истинным местом» немецкого народа «во всемирной семье свободных наций» [15]. В период с 19 по 23 октября достигнутые договоренности были оформлены в виде Парижских соглашений, включавших протокол о присоединении ФРГ к НАТО. Германский договор 1952 г. был переработан и в новом виде гарантировал ФРГ «полномочия суверенного государства во внутренних и внешних делах». Оккупационный статут прекращал свое действие, а Западная Германия получила право на создание собственных вооруженных сил – бундесвера, - министерства обороны и министерства иностранных дел.

Вступление ФРГ в НАТО свело на «нет» многолетние усилия, которые СССР прилагал для недопущения ее ремилитаризации. На фоне неоднозначного отклика населения ФРГ и стран Западной Европы на идею воссоздания немецкой армии советская дипломатия предприняла попытку решить вопрос об объединении Германии накануне вступления ФРГ в НАТО. 15 января 1955 г. правительство СССР заявляет о готовности нормализовать отношения с ФРГ, вместе с тем, однако, указывая, что, в случае вступления последней в НАТО, будет вынуждено «содействовать укреплению мира и безопасности в Европе». В заявлении шла речь о желании Москвы в течение года поспособствовать проведению свободных выборов и объединению Германии, при условии, что бундестаг отклонит Парижские соглашения. 25 января 1955 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О прекращении состояния войны между СССР и Германией», что открыло юридическую возможность для вступления в договорные отношения с ФРГ. 8 февраля 1955 г. В.М. Молотов от лица правительства Н.А. Булганина еще раз подчеркнул советскую позицию касательно Парижских соглашений: в случае их ратификации объединение Германии больше не будет возможным.

Внутри ФРГ последнее предложение СССР нашло свой отклик среди оппозиции. Говоря от имени СДПГ, Эрих Олленхауэр в своем письме от 23 января 1955 г. призывал канцлера не ратифицировать Парижские соглашения до тех пор, пока не будет предпринята серьезная попытка обсудить объединение Германии в рамках конференции

четырёх держав. Протестантская оппозиция, которая и раньше поднимала свой голос против милитаристской политики К. Аденауэра, в конце января обратилась вместе с социал-демократами к согражданам с «Германским манифестом», где предлагалось организовать народное движение против перевооружения Германии. Ощутимого эффекта это, впрочем, не возымело. [26, р. 306] В период с 27 февраля по 8 марта 1955 г. бундестаг ратифицировал Парижские соглашения. 5 мая 1955 г. они вступили в силу. На следующий день Т. Бланк, ранее ответственный за подготовку к перевооружению, был назначен первым министром обороны. 7 мая ФРГ вступила в обновленный Брюссельский пакт, переименованный в Западноевропейский союз, а 9 мая – в НАТО. Когда 7 июня 1955 г. К. Аденауэру была направлена советская нота с предложением об установлении прямых дипломатических, торговых и культурных отношений, он начал подготовку к визиту в Москву в качестве главы суверенного государства.

Заключение

Цель, поставленная для ФРГ Конрадом Аденауэром в 1949 г., была достигнута в относительно короткие сроки. Проявив себя внешне тем «канцлером союзников», каким считал его К. Шумахер, он на данном этапе развития западногерманской государственности предпочел путь вхождения в военно-политические и экономические структуры западных стран посредством наднациональной интеграции, что дало возможность добиться полной отмены Оккупационного статута и формального признания суверенных прав ФРГ. Отношения с ГДР, странами «народной демократии» и Советским Союзом, при этом, объединялись под общим знаком вопроса и отбрасывались на периферию внешней политики ФРГ. В то же время, факт существования сразу двух государств, претендующих на единоличное представительство всех немцев, и постоянные попытки Советского Союза решить германский вопрос на своих условиях накладывали на внешнюю политику ФРГ серьезный отпечаток. Так, едва ли западные страны и СССР, обсуждая будущую политику в отношении побежденного Третьего Рейха, допускали, что пройдет всего десять лет, прежде чем хотя бы на одной его части восстановление суверенных прав окажется сопряжено с созданием полноценных вооруженных сил. К тому же – без принятия нормативных актов, которые регламентировали бы их нейтралитет. Однако, благодаря успешному использованию советского фактора стало возможным восстановление военного потенциала всей Западной Германии.

Позиционируя советские и восточногерманские инициативы и предложения как акты агрессии, канцлер сумел поддержать образ угрозы с

Востока в сознании достаточного количества западных немцев, без чего даже полное устранение оппозиции от решения внешнеполитических задач едва ли позволило бы добиться успеха в политике перевооружения. Движение в сторону Запада позиционировалось им как нечто, что не просто не противоречило идее воссоединения Германии, а, напротив, являлось необходимым условием для такого воссоединения; как движение вспять от Советского Союза, в которое со временем, когда станет возможным диалог между СССР и ФРГ «на равных», втянется и Восточная Германия.

«Оттепель» 1950-х – 1960-х гг. не поколебала заинтересованности США и Великобритании в сильном западногерманском государстве на своей стороне, так что провал ЕОС не означал провала интеграционной политики К. Аденауэра. А после вступления ФРГ в НАТО Восток начал предоставлять новые перспективы. Открывшаяся возможность налаживания дипломатических отношений с социалистическим блоком в качестве сильной суверенной державы означала для ФРГ, что в ближайшем будущем она сможет вывести свой международный статус на новый уровень.

Список литературы

1. Гавриловец Л.В. К вопросу о польско-германских отношениях в 1949-1955 гг. // Современная научная мысль. 2020. №4. С. 162-169.
2. Документы, касающиеся политического развития Германии в будущем [Франкфуртские документы], 1 июля 1948 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0012_fra&object=translation&l=ru (дата обращения: 26.09.2021)
3. Левченко М.В. Взаимоотношения СССР и ФРГ в 1952-1955 годах. Поиск путей решения «немецкого вопроса» Советским Союзом // Вестник Удмуртского университета. – 2019. Т. 29, вып 1. С. 77-86
4. Мозговая О.С. Политика К. Аденауэра в отношении СССР (1953–1955 гг.) // Общественные науки: вопросы и тенденции развития / сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2015. С. 6-8
5. Новик Ф.И. «Оттепель» и инерция холодной войны: Германская политика СССР в 1953-1955 гг. Институт Российской истории РАН, 2001. 276 с.
6. Нота Советского правительства Правительствам США, Великобритании и Франции о мирном договоре с Германией, 10 марта 1952 // 100(0) ключевых документов по российской и советской истории [Электронный ресурс]. URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0031_not&object=context&l=ru (дата обращения: 26.09.2021)
7. Остерман К. США и события 17 июня 1953 г. в ГДР. Вопросы истории, 1999, № 11-12. С. 49-66.
8. Павлов Н.В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М.: Международные отношения, 2012. 800 с.
9. Петелин Б.В. Был ли план объединения Германии // Россия и современный мир. 2002. №4. С. 162-170.
10. Петелин Б.В. Конрад Аденауэр: патриарх германской политики // Новая и новейшая история. 2006. №3. С. 142-269
11. Родович Ю.В. О «ноте Сталина» от 10 марта 1952 г. по германскому вопросу // Новая и новейшая история. 2002. №5. С. 63-79.
12. Сорокин А.Н. На периферии восточной политики ФРГ: Аденауэр и страны Восточной Европы // Омский научный вестник. 2015. №4. С. 36-39.
13. Тимошенкова Е.П. Германский вопрос во внешней политике Советского Союза (1945-1955) М.: Ин-т Европы РАН, 2008. 134 с.
14. Adenauer K. Germany, the New Partner // Foreign Affairs. Jg. 33. 1955, № 2 (Januar), S. 177-183.
15. Aufzeichnung des Leiters de Politischen Abteilubg des Auswärtigen Amts, Herbert Blankenhorn, vom 2. September 1954, in: Bundesarchive, NL Blankenhorn N 1351/33b, Bl. 184.
16. Bulletin des Presse- und Informationsamts der Bundesregierung. Nr. 116, 24. Juni 1953.
17. Fragen des Bundeskanzlers Adenauer zur Prager Erklärung der Regierungsvertreter Albaniens, Bulgariens, der DDR, Polens, Rumaniens, der Tschechoslowakei, der UDSSR und Ungarns, 21. Oktober 1950 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.konrad-adenauer.de/seite/21-oktober-1950> (дата обращения 01.01.2023)
18. Frohn A. Adenauer und die deutschen Ostgebiete in den funfzig Jahren // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1996. Heft 4. S. 485-525.
19. Government declaration by Grotewohl on the note from the Soviet government to the Western powers on the peace treaty with Germany before the GDR People's Chamber, March 14, 1952 [Электронный ресурс]. URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0031_gro&object=translation&l=de (дата обращения: 26.09.2021)
20. Konrad Adenauer: Briefe über Deutschland 1945-1955. Eingeleitet und ausgewählt von Hans Peter

Mensing aus der Rhöndorfer Ausgabe der Briefe. München, 1999. 221 S.

21. Konrad Adenauer, Bundestagsreden. Hg. von Josef Selbach. Bonn 1967.

22. Konrad Adenauer: "Die Demokratie ist für uns eine Weltanschauung": Reden und Gespräche 1946 bis 1967. Hg. von Felix Becker. Köln-Weimar-Wien 1998. 280 S.

23. Regierungserklärung vom 20. Oktober 1953, abgegeben von Bundeskanzler Dr. Adenauer von dem Deutschen Bundestag. Hg. vom Press- und Informationsamt der Bundesregierung. Bonn 1953.

24. Verhandlungen des Deutschen Bundestages, 1 Wahlperiode 1949-1953, Bd. 17: Stenografische Berichte 1953.

25. Vertrag über die Beziehungen zwischen der Bundesrepublik Deutschland und den Drei Mächten [Электронный ресурс]. URL: <https://www.verfassungen.de/de45-49/deutschlandvertrag52.htm> (дата обращения: 26.09.2021)

26. Winkler A. Germany: Long Road to the West: Volume 2: 1933-1990. Oxford University Press, 2007. 600 p.

GERMAN-SOVIET AND GERMAN-GERMAN RELATIONS AS A FACTOR OF THE INTEGRATION POLICY OF K. ADENAUER IN 1949-1955

The article analyzes the foreign policy course of Chancellor Konrad Adenauer in 1949-1955 in order to determine how much the specifics of Soviet-German and German-German relations during these years delayed or, on the contrary, brought closer the success of West European integration of the FRG. K. Adenauer drew a direct connection between the entry of the FRG into Western Europe and overcoming the occupation situation, which deprived the West German state of real subjectivity. At the same time, the chancellor was connected with the countries of the socialist camp by the need to respond to the development of events, which in one way or another would affect all-German interests. These included, for example, the attempts of the USSR and the GDR to implement the points of the Potsdam agreements related to the preservation of the integrity of Germany and the regulation of its borders. A direct threat to the integration policy of K. Adenauer was Soviet initiatives aimed at neutralizing Germany, preventing the remilitarization of the FRG and forcing Western countries to comply with post-war agreements on the German question. An analysis of foreign and domestic scientific research, as well as various sources (letters, author's articles, transcripts of Bundestag sessions and speeches) allows us to see how, under these conditions, K. Adenauer's policy combined the course for the long existence of two German states and the declared desire for the unification of Germany.

Keywords: Konrad Adenauer, neutral Germany, remilitarization, Potsdam agreement, European Defense Community, Western European integration, NATO, "Stalin's note", events of June 17, 1953.

References

1. Gavrilovets L.V. (2020). K voprosu o polsko-germanskikh otnosheniakh v 1949-1955 gg [On the question of Polish-German relations in 1949-1955.]. *Sovremennaya nauchnaya mysl* [Modern scientific thought], 4, 162-169.

2. Dokumenty, kasayushchiesya politicheskogo razvitiya Germanii v budushchem, 1 iyulya 1948 g. [Documents concerning the political development of Germany in the future, July 1, 1948. from https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0012_fra&object=translation&l=ru (accessed: 26.09.2021)

3. Levchenko M.V. (2019). Vzaimootnosheniya SSSR i FRG v 1952-1955 godakh. Poisk putey resheniya «nemetskogo voprosa» Sovetskim Soyuzom [Relations between the USSR and the FRG in 1952-1955. Search for ways to solve the "German question" by the Soviet Union]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 1, 77-86.

4. Mozgovaya O.S. (2015). Politika K. Adenauera v otnoshenii SSSR (1953–1955 gg.) [K. Adenauer's policy towards the USSR (1953–1955)], *Obshchestvennyye nauki: voprosy i tendentsii razvitiya: sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Krasnoyarsk, 6-8.

5. Novik F.I. (2001). «Ottepel'» i inertsia kholodnoy voyny: Germanskaya politika SSSR v 1953-1955 gg. ["Thaw" and the inertia of the Cold War: German policy of the USSR in 1953-1955]. Institut Rossiyskoy istorii RAN.

6. Nota Sovetskogo pravitel'stva Pravitel'stvam SSHA, Velikobritanii i Frantsii o mirnom dogovore s Germaniyey, 10 marta 1952 [Note of the Soviet government to the Governments of the USA, Great Britain and France on a peace treaty with Germany, March 10, 1952]. 100(0) klyuchevykh dokumentov po rossiyskoy i sovetskoy istorii. From https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0031_not&object=context&l=ru (accessed: 26.09.2021)

7. Osterman K. (1999). SSHA i sobytiya 17 iyunya 1953 g. v GDR [USA and the events of June 17, 1953 in the GDR]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. 11-12, 49-66.

8. Pavlov N.V. (2012). Istoriya vneshney politiki Germanii ot Bismarka do Merkel' [History of German foreign policy from Bismarck to Merkel]. M.: *Mezhdunarodnyye otnosheniya*.

9. Petelin B.V. (2002). Byl li plan ob'yedineniya Germanii [Was there a plan for the unification of Germany]. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the modern world], 4, 162-170.

10. Petelin B.V. (2006). Konrad Adenauer: patriarkh germanskoy politiki [Konrad Adenauer: Patriarch of German Politics]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [New and recent history]. 3, 142-269.

11. Rodovich Yu.V. (2002). О «note Stalina» от 10 марта 1952 г. по германскому вопросу [On the "Stalin's note" of March 10, 1952 on the German question]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [New and recent history], 5, 63-79.
12. Sorokin A.N. (2015). Na periferii vostochnoy politiki FRG: Adenauer i strany Vostochnoy Yevropy [On the periphery of the East policy of Germany: Adenauer and the countries of Eastern Europe], *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 4, 36-39.
13. Timoshenkova Ye.P. (2008). *Германский вопрос во внешней политике Советского Союза (1945-1955)* [The German question in the foreign policy of the Soviet Union (1945-1955)]. Moscow: Insitut Yevropy RAN.
14. Adenauer K. (1955). Germany, the New Partner. *Foreign Affairs*. 2, 177-183.
15. Aufzeichnung des Leiters de Politischen Abteilubg des Auswärtigen Amts, Herbert Blankenhorn, vom 2. September 1954, in: Bundesarchive, NL Blankenhorn N 1351/33b, Bl. 184.
16. Bulletin des Presse- und Informationsamts der Bundesregierung. 24. Juni 1953.
17. Fragen des Bundeskanzlers Adenauer zur Prager Erklärung der Regierungsvertreter Albanien, Bulgariens, der DDR, Polens, Rumaniens, der Tschechoslowakei, der UDSSR und Ungarns, 21. Oktober 1950 from <https://www.konrad-adenauer.de/seite/21-oktober-1950> (accessed 01.01.2023)
18. Frohn A. (1996). Adenauer und die deutschen Ostfebiere in den funfziigen Jahren. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 4, 485-525.
19. Government declaration by Grotewohl on the note from the Soviet government to the Western powers on the peace treaty with Germany before the GDR People's Chamber, March 14, 1952 from https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0031_gro&object=translation&l=de (accessed: 26.09.2021)
20. Konrad Adenauer: Briefe über Deutschland 1945-1955. (1999). Eingeleitet und ausgewählt von Hans Peter Mensing aus der Rhöndorfer Ausgabe der Briefe. München.
21. Konrad Adenauer, Bundestagsreden. (1967). Hg. von Josef Selbach. Bonn.
22. Konrad Adenauer: "Die Demokratie ist für uns eine Weltanschauung": Reden und Gespräche 1946 bis 1967. (1998). Hg. von Felix Becker. Koln-Weimar-Wien. 280 S.
23. Regierungserklärung vom 20. Oktober 1953, abgegeben von Bundeskanzler Dr. Adenauer von dem Deutschen Bundestag. (1953). Hg. vom Press- und Informationsamt der Bundesregierung. Bonn.
24. Verhandlungen des Deutschen Bundestages, 1 Wahlperiode 1949-1953, Bd. 17: Stenografische Berichte. (1953).
25. Vertrag über die Beziehungen zwischen der Bundesrepublik Deutschland und den Drei Mächten from <https://www.verfassungen.de/de45-49/deutschlandvertrag52.htm> (accessed: 26.09.2021)
26. Winkler A. (2007). *Germany: Long Road to the West: Volume 2: 1933-1990*. Oxford University Press.

Об авторе

Кристов Илья Юрьевич – аспирант кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения, Воронежский государственный университет (Россия), E-mail: ely.krstv@gmail.com

Kristov Ilya Yurievich – post-graduate student of the Department of Contemporary History, Historiography and Records Management, Voronez State University (Russia), E-mail: ely.krstv@gmail.com